Литература

1. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М.: Академический проект, 2015. 430 с.
2. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Академический проект, 2015. 428 с.
3. Философский словарь. М.: Политиздат, 1987. 590 с.
4. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

Nagornov E. A.

SYMBOLISM OF PRIMITIVE CULTURE

The article deals with the concept of symbolism as applied to the phenomenon of primitive thinking. The author believes that the symbolism of primitive culture is not so much sacred as, first of all, activist one, aimed at attracting supernatural power to the practical activities of man. The source of supernatural power is to be found in the myths of the primitive man which are connected with the Golden Age of his ancestors.

Key words: *primitive thinking, myth, symbol, sign, ancestor.*

Историческая трансформация смыслов самопожертвования

Сериков А. Е.
Россия, Самара, Самарская гуманитарная академия,
кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин

Религиозное самоубийство, совершаемое ради воспроизводства мира, общения с богами и обретения спасения, трансформируется в религиозный ритуал воинского самопожертвования, а затем – в светское самопожертвование, имеющее почти исключительно моральное,

а не религиозное значение. Возможные механизмы подобной трансформации смысла – практическая метафора и практическая метонимия.

Ключевые слова: *культура, жертва, самопожертвование, ритуал, ритуальное самоубийство, практическая метафора, практическая метонимия.*

Рассмотрим ситуацию, описанную в пьесе «Живой труп» Л. Н. Толстого [10]. Анна Павловна думает, что Федор Протасов покончил с собой и говорит, что он «хоть и незаконно, нерелигиозно, но пожертвовал собой для тех, кого любил». Поскольку в конце пьесы Федор все-таки убивает себя именно для того, чтобы окончательно освободить тех, кого любил, можно сказать, что это самопожертвование состоялось. Но почему оно незаконное? Только ли из-за того, что это самоубийство? Но почему тогда поступки христианских мучеников и военных героев воспринимаются как законные? Ведь по сути они тоже самоубийства, хоть и освященные религией? Или дело еще и в том, что самопожертвование Федора нерелигиозно и именно поэтому незаконно? Возникает вопрос: почему нерелигиозное самопожертвование может восприниматься в русской культуре 19 века как незаконное? И нельзя ли предположить, что в культуре 20 века в этом отношении что-то изменилось?

Джеймс Фрэзер рассказывает, что правители или жрецы у некоторых народов считались способными выполнять свои функции только в расцвете сил и поэтому по истечению некоторого срока правления должны были покончить с собой. Очевидно, что они жертвовали собой ради благополучия других людей. Со ссылкой на «одного путешественника» Фрэзер передает подробности ритуала самопожертвования правителя индийской провинции Куилакар, происходящего раз в 12 лет. «Когда этот период подходит к концу, на праздник собираются несметные толпы людей, и большие деньги тратятся на угощение брахманов. Для царька воздвигается деревянный помост, задрапированный шелковой тканью. В день торжества под звуки музыки он в сопровождении пышной процессии отправляется к водоему, чтобы совершить омовение, после чего молится в храме местному божку. Затем царек на глазах собравшихся поднимается на помост, берет очень острый нож и

начинает отрезать себе нос, губы, уши и остальные мягкие части тела. Отрезанные куски он поспешно отбрасывает, пока не начинает терять сознание от потери крови. В заключение он перерезает себе горло» [13, с. 291-292]. Как нам к этому относиться – как к благородному и освященному религией самопожертвованию, которое следует уважать, или как к незаконному варварскому обычаю?

Если кому-то кажется, что этот пример неубедительный, потому что дело было давно и свидетели ненадежные, то можно привести пример из жизни уже современной Индии. В настоящее время джайны практикуют ритуал добровольного ухода из жизни, называемый саллекханой или сатхарой. С разрешения своего гуру и при полном одобрении родственников пожилой или тяжело заболевший человек проходит ритуальное очищение и постепенно отказывается от воды и питья, доводя себя до смерти. Такая смерть у джайнов считается почетной и может пониматься как своеобразное самопожертвование. Но с точки зрения современного государства – это просто антизаконное самоубийство и поэтому данный ритуал в 2015 г. был запрещен судом Раджастана. В итоге джайны протестуют против нарушения их конституционных религиозных прав и практикуют ритуал втайне от государства [14].

Еще один пример: самопожертвование революционных террористов конца 19 века в советское время воспринималось не только как законное (в высшем моральном смысле этого слова), но и героическое, наряду с героическим самопожертвованием героев отечественных войн. Жертвы героев войны и жертвы революционных террористов фактически отождествлялись в качестве жертв во имя свободы и ради блага других людей. А сегодня, в эпоху борьбы с терроризмом, такое отождествление вновь кажется неуместным. Улицу Желябова в Самаре переименовали в Аксакова, потому что Андрей Иванович Желябов был террористом, одним из руководителей «Народной воли» и организатором как минимум трех покушений на жизнь императора Александра II, последнее из которых увенчалось успехом. Это были подрыв поезда в 1879 г., взрыв в Зимнем дворце в 1880 г. и взрыв бомбы на улице в 1881 г. С технической точки зрения, как и с точки зрения жестокости осуществленных актов, народовольцы мало чем отличались от современных шахидов. В общем, в наше время как-то неловко называть улицу в честь террориста. Хотя это чувствуют и понимают далеко не все: улицу

в Самаре переименовали, но рядом построили жилой комплекс «Желябово», в котором продаются квартиры.

Желябов сам потребовал приобщить свое дело к делу цареубийц и на суде отказался от защитника, чтобы выступить с речью и изложить свои убеждения. С ритуальной точки зрения, это сближает поступки Желябова с поступками некоторых христианских мучеников, добровольно отдававших себя в руки преследователей и свидетельствовавших о своей вере. Последние тем самым подражали Христу. Но похожие нормы поведения существовали и у ацтеков, хотя цели самопожертвования были совсем иные. Олицетворяющий Солнце бог Уитсилопочтли требовал ежедневных человеческих жертвоприношений, чтобы не иссякали силы для еженощного сражения с тьмой. В жертву приносили пленников, захваченных на войне, и часто войны вели между дружественными городами исключительно с целью захвата пленников, чтобы обеспечить нужное количество жертв. Пленники, как правило, не пытались бежать. «Выкупать их родные тоже обычно не пытались. Для знатного воина побег и выкуп были в равной мере позорны. Он должен был привести с войны пленных для принесения в жертву или попасть в плен и стать жертвой сам. Это было почетно, к тому же смерть на алтаре обеспечивала соединение с божеством в загробной жизни. Известны случаи, когда пленники, которых по какой-то причине отпускали на волю, отказывались от свободы и требовали, чтобы их принесли в жертву» [4, с. 222]. Итак, есть что-то общее в добровольных жертвах, приносимых ацтеками, христианами и террористами, но смысл их жертв воспринимается совершенно по-разному.

Эти примеры показывают, что в ходе истории смыслы самопожертвования трансформируются. В частности, те самопожертвования, которые в прошлом воспринимались как типичные и санкционированные религией и властью, в новую эпоху могут восприниматься как незаконные. С другой стороны, никак не связанные с религиозным ритуалом поступки, которые лишь с очень большой натяжкой могли быть названы самопожертвованием в прошлом, в наше время могут восприниматься как типичные образцы.

Традиционное воинское самопожертвование носило ритуальный характер. Например, Тит Ливий сообщает подробности ритуала, совершенного консулом Дэцием: «Понтифик приказал ему облачиться в претексту, покрыть голову, под тогой рукой коснуться подбородка и, став

ногами на копье, говорить так: «Янус, Юпитер, Марс-отец, Квирин, Беллона, Лары, божества пришлые и боги здешние, боги, в чьих руках мы и враги наши, и боги преисподней, вас заклинаю, призываю, прошу и умоляю: даруйте римскому народу квиритов одоление и победу, а врагов римского народа квиритов поразите ужасом, страхом и смертью. Как слова эти я произнес, так во имя государства римского народа квиритов, во имя воинства, легионов, соратников римского народа квиритов я обрекаю в жертву богам преисподней и Земле вражеские рати, помощников их и себя вместе с ними». Так произносит он это заклинание и приказывает ликторам идти к Титу Манлию и поскорей сообщить товарищу, что он обрек себя в жертву во имя воинства. Сам же препоясался на габинский лад, вооружился, вскочил на коня и бросился в гущу врага. Он был замечен и в одном, и в другом войске, ибо облик его сделался как бы величественней, чем у обыкновенного смертного, словно для вящего искупления гнева богов само небо послало того, кто отвратит от своих погибель и обратит ее на врагов. И тогда внушенный им страх охватил всех, и в трепете рассыпались передовые ряды латинов, а потом ужас перекинулся и на все их войско. И нельзя было не заметить, что, куда бы ни направил Деций своего коня, везде враги столбенели от ужаса, словно пораженные смертоносной кометой; когда же пал он под градом стрел, уже нескрываемо перетрусившие когорты латинов пустились наутек, и широкий прорыв открылся перед римлянами» [5].

Воин – это тот, кто должен быть готов к самопожертвованию. С ритуальной точки зрения, жертву может совершить только тот, кто очищен и освящен. Поэтому воинскую присягу и предшествующую ей подготовку можно рассматривать как ритуалы сакрализации, предшествующие принесению жертвы. В прошлые века это были по определению религиозные ритуалы. Вот как звучала клятва афинских эфебов, приносимая в храме Аглавры: «Клянусь никогда не позорить это священное оружие, никогда не покидать своего места в битве. Один ли, со всеми ли вместе я буду сражаться за своих богов и за свой очаг. Я оставлю после себя свое отечество не уменьшенным, но более могущественным и более крепким. Я буду повиноваться приказаниям, которые продиктует мудрость должностных лиц; я буду подчиняться и тем законам, которые находятся в силе в настоящее время, и тем, которые будут постановлены народом. Если кто-нибудь захочет ниспровергнуть эти

законы или не будет повиноваться им, я не потерплю этого и буду сражаться за них один или вместе со всеми. Я буду почитать предков моего отца. Беру в свидетели Аглавру, Эниалия, Ареса, Зевса, Фалло, Авксо и Гегемону» [2].

В течение многих веков образцом самопожертвования для христиан была добровольная жертва Иисуса ради искупления человеческих грехов. С ритуальной точки зрения, особое значение имеют Тайная Вечеря, где было установлено таинство Евхаристии, арест и свидетельствование о том, что Иисус – сын Божий, последующие мучения на кресте и смерть со словами на устах: «Отче! в руки Твои предаю дух Мой» [6]. История христианского мученичества – это не просто история страданий и смерти, но история свидетельствования о вере. «Слово "мученик" в романских языках происходит из христианской латыни – martyr [мартир] от греческого marturos [мартюрос], где оно означало "свидетель (бога)"» [3]. Самопожертвование мучеников имело характер религиозного ритуала. Христианин, который регулярно исповедовался и причащался, всегда был готов к смерти. И если он попадал в руки мучителей, они не могли лишить его молитвы. Приведу пример компьенских мучениц, описанный в новелле Гертруды фон Лефорт «Последняя на эшафоте» [12]. Когда французское революционное правительство начало закрывать монастыри, монашки и послушницы кармелитского монастыря в Компьене дают священный обет пожертвовать собой во имя веры. Обет дается во время мессы и сопровождается Причастием. Позже их арестовывают и, когда их казнят на гильотине, они поют и умирают с религиозным гимном на устах. В этом примере в явном виде присутствуют ритуальные черты, которые в других случаях могут быть не столь заметны.

В армиях христианских государств античные традиции воинского самопожертвования объединяются с традицией самопожертвования во имя Христа. Это отразилось, например, в текстах воинских присяг. Так, присяга в русской императорской армии начиналась и заканчивалась обращением к Богу, и в принятии присяги обязательно участвовало духовное лицо того вероисповедания, к которому принадлежал принимающий присягу. Присяга Временному правительству образца 1917 г. также сохраняла этот элемент.

Однако, как в клятве эфеба основное содержание – это обещание служить отечеству и исполнять приказы должностных лиц, так и в рус-

ской присяге времен Империи основное содержание – это обещание служить и подчиняться Императору, а в присяге Временному правительству – обещание служить Отечеству и Российскому Государству. Эта традиционная часть воинской присяги сохраняется и в советской присяге, откуда изгоняются упоминания о богах и религии. Красноармейская присяга образца 1918 г. содержит обязательство «соблюдать революционную дисциплину и беспрекословно выполнять все приказы командиров, поставленных властью Рабочего и Крестьянского Правительства» и «не щадить ни своих сил, ни самой жизни» [1]. В присяге образца 1939 г. советский воин клялся «до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине и Рабоче-Крестьянскому Правительству <...> не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами», в присяге образца 1947 г. эти формулы сохраняются, только речь идет о преданности «Советской Родине и Советскому Правительству» [9]. Текст современной присяги, утвержденный в 1998 г., гласит: «Я, (фамилия, имя, отчество), торжественно присягаю на верность своему Отечеству – Российской Федерации. Клянусь свято соблюдать Конституцию Российской Федерации, строго выполнять требования воинских уставов, приказы командиров и начальников. Клянусь достойно исполнять воинский долг, мужественно защищать свободу, независимость и конституционный строй России, народ и Отечество» [11].

Таким образом, ритуалы присяги в советское время и в современной России напоминают соответствующие ритуалы прошлых эпох, но религиозное содержание почти полностью уходит. "Свято соблюдать Конституцию" – это не совсем метафора, но уже и не буквальное понимание святости. Соответственно, религиозное содержание уходит и из самопожертвования тех воинов, которые не были воспитаны в рамках религии и не были подготовлены к самопожертвованию в рамках религиозного обряда. Оно сохраняется лишь в той мере, в какой некоторых погибших воинов хоронят по религиозным правилам и соблюдают религиозные обряды поминовения. Но в целом воинское самопожертвование в советскую эпоху становится секулярным, а его цели начинают пониматься как укорененные в светской морали и никак не связанные с религией. Ритуалы подготовки воинов к самопожертвованию и почитания их памяти сохраняются, но также становятся исключительно светскими, а не религиозными. Аналогичные вещи происходят и с самопо-

жертвованием в мирной, невоенной жизни – такими, как тяжелый труд ради благополучия близких или на благо Родины, спасение людей на пожаре с риском для своей жизни или пренебрежение своим благополучием во имя торжества науки.

Здесь намечается следующая схема исторической трансформации изменения смысла самопожертвования. Религиозное самопожертвование, целью которого может быть общение с богами, спасение человечества от грехов или воспроизводство мира, превращается в ритуальное самоубийство на войне с целью победы – одновременно и религиозный и героический поступок, постепенно приобретающий нерелигиозный смысл самопожертвования во имя Родины или во имя революции, и т. д. При этом происходит перенос смысла по аналогии и связи. Я несколько лет тому назад предложил понятия практической метафоры и практической метонимии [7]. Имеют место и другие смысловые механизмы, такие как коммуникация, перевод непереводимого или интертекстуальность [8], поэтому в общем случае можно говорить о *практической риторике*. Главная идея здесь в том, что культурные смыслы поступков могут изменяться независимо от сознательных намерений совершающих их людей. Смыслы практических действий могут изменяться подобно смыслам высказываний при использовании риторических фигур, но из этого не следует, что практические действия являются следствием сознательного применения каких-то размышлений, использующих эти фигуры. Это изменения в языке и культуре, в типичных формах поведения и мышления, которые большинством людей могут не осознаваться.

Литература

1. Военная присяга 1918 года (Красная Армия). Формула торжественного обещания, утвержденная в заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов от 22-го апреля 1918 года. URL: http://armyrus.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=891
2. Гиро П. Частная и общественная жизнь греков. URL: http://ancientrome.ru/publik/ article.htm?a=1262405856#o11.
3. Донини А. У истоков христианства. URL: http://jhistory.nfurman.com/lessons10/donini6_8.htm.
4. Ивик О. История человеческих жертвоприношений. М.: Ломоносовъ, 2010.

5. Ливий Т. История Рима от основания города. URL: http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1364000800.
6. От Луки святое благовествование. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/От_Луки_святое_благовествование
7. Сериков А. Е. Метафора и метонимия в практическом действии // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2007. № 1. С. 132-142.
8. Сериков А. Е. Семиотические механизмы образования смысла как источники инноваций // Семиотика культуры: антропологический поворот: коллективная монография. СПб.: Эйдос, 2011.
9. Сизов А. Как трансформировался текст воинской присяги в России. URL: https://topwar.ru/2686-kak-transformirovalsya-tekst-voinskoj-prisyagi-v-rossii.html.
10. Толстой Л. Н. Живой труп. URL: http://rvb.ru/tolstoy/01text/vol_11/01text/0272.htm.
11. Федеральный закон от 28 марта 1998 № 53-ФЗ (текущая редакция от 9 марта 2010). Статья 40. Военная присяга и обязательство. URL: http://www.consultant.ru/document/ Cons_doc_LAW_18260/f252bb856d6035060e97cedce6f3278074f9e44c/.
12. Фон Лефорт Г. Последняя на эшафоте. Новелла. URL: http://ru.calameo.com/read/000192864afc3690f6d3c.
13. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: АСТ, 1998.
14. Barry E., Choksi M. Sect's Death Ritual Clashes With Indian Law // The New Nork Times. Aug. 24, 2015.

Serikov A. E.

HISTORICAL TRANSFORMATIONS OF SELF-SACRIFICE MEANINGS

Religious suicide aimed at renewal of the world, communication with gods and obtaining salvation transforms into religious ritual of martial self-sacrifice and then into secular self-sacrifice that has purely moral, not religious meaning. Possible mechanisms of such sense transformation are practical metaphor and practical metonymy.

Key words: *culture, sacrifice, self-sacrifice, ritual, ritual suicide, practical metaphor, practical metonymy.*